

Лесков Николай Семенович

На краю света

Из воспоминаний архиерея

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Семенович Л.**
На краю света: Из воспоминаний архиерея / Лесков Николай Семенович – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 165 с.

ISBN 978-5-519-93304-9

ISBN 978-5-519-93304-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

аннимъ вечеромъ, на святкахъ, мы сидѣли за чайнымъ столомъ въ большой голубой гостиной архіерейскаго дома. Насъ было семь человѣкъ, восьмой нашъ хозяинъ, тогда уже весьма престарѣлый архіепископъ, больной и немощный. Гости были люди просвѣщенные и между ними шелъ интересный разговоръ о нашей вѣрѣ и о нашемъ невѣріи, — о нашемъ проповѣдничествѣ въ храмахъ и о просвѣтительныхъ трудахъ нашихъ миссій на Востокъ. Въ числѣ собесѣдниковъ находился нѣкто флота-капитанъ Б., очень добрый человѣкъ, но большой нападчикъ на русское духовенство. Онъ твердилъ, что наши миссіонеры совершенно неспособны къ своему дѣлу и радовался, что правительство разрѣшило теперь трудиться на

пользу Слова Божія чужеземнымъ евангелическимъ пасторамъ. Б. выражалъ твердую увѣренность, что эти проповѣдники будутъ имѣть у насъ огромный успѣхъ, не среди однихъ евреевъ, и докажутъ, какъ два и два—четыре, неспособность русскаго духовенства къ миссіонерской проповѣди.

Нашъ почтенный хозяинъ, въ продолженіи этого разговора, хранилъ глубокое молчаніе: онъ сидѣлъ съ покрытыми пледомъ ногами въ своемъ глубокомъ вольтеровскомъ креслѣ и, повидимому, думалъ о чемъ-то другомъ; но когда Б. кончилъ, старый владыка вздохнулъ и проговорилъ:

— Мнѣ кажется, господа, что вы господина капитана напрасно бы стали оспаривать; я думаю, что онъ правъ: чужеземные миссіонеры положительно должны имѣть у насъ большой успѣхъ.

— Я очень счастливъ, владыко, что вы раздѣляете мое мнѣніе, отвѣчалъ капитанъ Б., и, сдѣлавъ вслѣдъ за симъ нѣсколько самыхъ благопристойныхъ и тонкихъ комплиментовъ из-

вѣстной образованности ума и благородству характера архіерея, добавилъ:

— Ваше высокопреосвященство, конечно, лучше меня знаете всѣ недостатки русской Церкви, гдѣ, конечно, среди духовенства есть люди и очень умные, и очень добрые,—я этого никакъ не стану оспаривать; но они едва ли понимаютъ Христа. Ихъ положеніе и прочее... заставляетъ ихъ толковать все... слишкомъ узко.

Архіерей посмотрѣлъ на него, улыбнулся и отвѣтилъ:

— Да, господинъ капитанъ, скромность моя не оскорбится признать, что я можетъ быть не хуже васъ знаю всѣ скорби Церкви; но справедливость была бы оскорблена, если бы я рѣшился признать вмѣстѣ съ вами, что въ Россіи Господа Христа понимаютъ менѣе, чѣмъ въ Тюбингенѣ, Лондонѣ или Женевѣ.

— Объ этомъ, владыко, еще можно спорить.

Архіерей снова улыбнулся и сказалъ:

— А вы, я вижу, охочи спорить. Что съ

вами дѣлать! отъ спора мы воздержимся, а бесѣдовать—давайте.

И съ этимъ словомъ онъ взялъ со стола большой, богато украшенный рѣзьбою изъ слоновой кости, альбомъ и, раскрывъ его, сказалъ:

— Вотъ нашъ Господь!—Зову васъ посмотреть! здѣсь я собралъ много изображеній Его лица; вотъ Онъ сидитъ у кладезя съ женой самаритянской — работа дивная; —художникъ, надо думать, понималъ и лицо, и моментъ.

— Да; мнѣ тоже кажется, владыко, что это сдѣлано съ понятіемъ, отвѣчалъ Б.

— Однако, нѣтъ ли здѣсь въ Божественномъ лицѣ излишней мягкости? не кажется ли вамъ, что Ему ужъ слишкомъ все равно: сколько эта женщина имѣла мужей и что нынѣшній мужъ ей не мужъ?

Всѣ молчали; архіерей это замѣтилъ и продолжалъ:

— Мнѣ кажется, сюда немного строгаго вниманія было бы чертой не лишнею.

— Вы правы, можетъ быть, владыко.

— Распространенная картина; мнѣ доводилось ее часто видѣть по преимуществу у дамъ. Посмотримъ далѣе: опять великій мастеръ. Христа цѣлуетъ здѣсь Іуда. Какъ кажется вамъ здѣсь Господень ликъ? Какая сдержанность и доброта! Неправда ли? прекрасное изображеніе!

— Прекрасный ликъ!

— Однако, не слишкомъ ли много уже здѣсь усилія сдерживаться? Смотрите: лѣвая щека, мнѣ кажется, дрожитъ и на устахъ какъ бы гадливость.

— Конечно, это есть, владыко.

— О, да; да вѣдь Іуда ея ужъ разумѣется и стоилъ; и рабъ, и льстецъ—онъ очень могъ ее вызвать у всякаго... только впрочемъ не у Христа, Который никѣмъ не брезговалъ, а всѣхъ жалѣлъ. Ну, мы этого пропустимъ; онъ насъ, кажется, несовсѣмъ удовлетворяетъ, хотя я знаю одного большаго сановника, который мнѣ говорилъ, что онъ удачнѣе этого изображенія Христа представить себѣ не можетъ. Вотъ вновь Христосъ и тоже кисть великая писа-

ла,—Тиціанъ: предъ Господомъ стоитъ коварный фарисей съ динаріемъ. Смотрите-ка: какой коварный старецъ, но Христосъ... Христосъ... Охъ, я боюсь! смотрите: нѣтъ ли тутъ презрѣнія—на Его лицѣ?

— Оно и быть могло, владыко!

— Могло, не спорю: старецъ гадокъ; но я, молясь, такимъ себѣ не мыслю Господа и думаю, что это неудобно. Не правда ли?

Мы отвѣчали согласіемъ, находя, что представлять лицо Христа въ такомъ выраженіи неудобно, особенно вознося къ Нему молитвы.

— Совершенно съ вами въ этомъ согласенъ и даже припоминаю себѣ объ этомъ споръ мой нѣкогда съ однимъ дипломатомъ, которому *этотъ* Христосъ только и нравился; но, впрочемъ, что же... моментъ дипломатическій. Но пойдемте далѣе: вотъ тутъ уже, съ этихъ мѣстъ у меня начинаются одинокія изображенія Господа, безъ сосѣдей. Вотъ вамъ снимокъ съ прекрасной головы скульптора Кауера: хорошъ, хорошъ!—ни слова; но мнѣ, воля ваша, эта академическая голова напоминаетъ гораздо менѣе

Христа, чѣмъ Платона. Вотъ онъ, еще... какой страдалецъ... какой ужасный видъ придалъ Ему Метсу!... Не понимаю, зачѣмъ онъ Его такъ ужасно избилъ, изсѣкъ и изкровянилъ?... Это, право, ужасно! Опухли вѣки, кровь и синяки... весь духъ, кажется, изъ Него выбить и на одно страдающее тѣло ужъ смотрѣть даже страшно. Перевернемъ скорѣй. Онъ тутъ внушаетъ только состраданіе, и ничего болѣе.— Вотъ вамъ Лафонъ, можетъ быть, и не большой художникъ, да на многихъ нынче хорошо потрафилъ; онъ, какъ видите, понялъ Христа, иначе, чѣмъ всѣ предыдущіе и иначе Его себѣ и намъ представилъ: фигура стройная и привлекательная; ликъ добрый, голубиный, взглядъ подъ чистымъ лбомъ, и какъ легко волнуются здѣсь кудри: тутъ локоны, тутъ эти пѣтушки, крутятся, легли на лбу. Красиво, право! а на рукѣ его пылаетъ сердце, обвитое терновою лозою. Это „Sacré coeur“—что отцы іезуиты пропагандируютъ; мнѣ кто-то сказывалъ, что они и вдохновляли сего господина Лафона чертить это изображеніе; но оно, впро-

чемъ, нравятся и тѣмъ, которые думаютъ, что у нихъ нѣтъ ничего общаго съ отцами іезуитами. Помню, мнѣ какъ-то разъ, въ лютой морозъ, довелось заѣхать въ Петербургъ къ одному русскому князю, который показывалъ мнѣ чудеса своихъ палатъ и вотъ тамъ, несовсѣмъ на мѣстѣ—въ зимнемъ саду, я увидѣлъ впервые этого Христа. Картина въ рамочкѣ стояла на столѣ, передъ которымъ сидѣла княгиня и мечтала. Прекрасная была обстановка: пальмы, аурумы, бананы, щебечутъ и порхаютъ птички, и она мечтаетъ. О чемъ? Она мнѣ сказала:—„ищетъ Христа“. Я тогда и всмотрѣлся въ это изображеніе. Дѣйствительно, смотрите какъ онъ эффектно выходитъ, или, лучше сказать, износится изъ этой тьмы; за нимъ ничего: ни этихъ пророковъ, которые докучали всѣмъ, бѣгая въ своихъ лохмотьяхъ и цѣпляясь даже за царскія колесницы. Ничего этого нѣтъ, а только тьма... тьма фантазіи. Эта дама, — пошли ей Богъ здоровья, — первая мнѣ и объяснила тайну, какъ находить Христа, послѣ чего я и не спорю съ господи-

номъ капитаномъ, что иностранные проповѣдники у насъ не однимъ жидамъ Его покажутъ, а всѣмъ, кому хочется, чтобы Онъ пришелъ подъ пальмы и бананы слушать канареекъ. Только Онъ ли туда придетъ? Не пришелъ бы подъ Его слѣдъ кто другой къ нимъ? Признаюсь вамъ, я этому щеголеватому канареечному Христу охотно предпочелъ бы вотъ эту жидоватую главу Гверчино, хотя и она говоритъ мнѣ только о добромъ и восторженномъ раввинѣ, котораго, по опредѣленію господина Ренана, можно было любить и съ удовольствіемъ слушать. И вотъ вамъ сколько пониманій и сколько представленій о Томъ, Кто одинъ всѣмъ намъ на потребу! Закроемъ теперь все это и обернитесь къ углу, къ которому стоите спиною: опять ликъ Христовъ и уже на сей разъ это именно не лицо,—а ликъ. Типическое русское изображеніе Господа: взглядъ прямъ и простъ; темя возвышенное, что, какъ извѣстно, и по системѣ Лафатера означаетъ способность возвышеннаго богопочтенія; въ ликѣ есть выраженіе, но нѣтъ страстей. Какъ

достигали такой прелести изображенія наши старые мастера?—это осталось ихъ тайной, которая и умерла вмѣстѣ съ ними и съ ихъ отверженнымъ искусствомъ. Просто—до невозможности желать простѣйшаго въ искусствѣ: черты чуть слегка означены, а впечатлѣніе полно; мужиковать Онъ, правда, но при всемъ томъ Ему подобаешь поклоненіе, и какъ кому угодно, а, по моему, нашъ простодушный мастеръ лучше всѣхъ *понялъ*—кого ему надо было написать. Мужиковать Онъ, повторяю вамъ, и въ зимній садъ Его не позовутъ послушать канареекъ, да что бѣды! гдѣ Онъ какимъ открылся, тамъ такимъ и ходитъ; и къ намъ зашелъ Онъ въ рабѣмъ зракѣ и такъ и ходитъ, не имѣя гдѣ главы приклонить отъ Петербурга до Камчатки. Знать Ему это нравится принимать съ нами поношенія отъ тѣхъ, кто пьетъ кровь Его и ее же проливаетъ. И вотъ, въ эту же мѣру, въ какую, по моему, проще и удачнѣе наше народное искусство поняло внѣшнія черты Христова изображенія, и народный духъ нашъ можетъ быть ближе къ истинѣ по-